

**ЗНАК И СИМВОЛ
КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ СТРУКТУРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. Предлагается сравнительно-исторический анализ знака и символа как принципов организации политического дискурса. Производится реконструкция структуралистской парадигмы, образуемой бинарной оппозицией «знак — символ». Доказывается, что структура знака ориентирована на позитивистское тождество в политическом дискурсе означаемого и означающего. Эта модель характерна для энкратического дискурса модерновых идеологий как языка власти, легитимирующего существующий политический и исторический порядок. Принцип символа, наоборот, традиционно демонстрирует избыточность означающих, отменяет возможность окончательной монополизации политических истин любыми политическими субъектами. Принцип символа связан с акратическим дискурсом — утопическим мышлением восходящих к власти социальных сил. Аргументируется, что эти две модели создают парадигмальное единство политического дискурса.

Ключевые слова: знак; символ; структурализм; здравый смысл; парадокс; модели политического дискурса; легитимация политического порядка.

Сведения об авторе: Мартынов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь.

Место работы: Институт философии и права УрО РАН.

Контактная информация: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, оф.904.
e-mail: martianovu@yandex.ru.

1. Эволюция доминирующего политического дискурса: от риторики к логике. Проблема противопоставления знака и символа как принципов познания генетически связана с антагонизмом логоса и мифа в античной философии как двух форм дискурса, а следовательно, и двух форм восприятия речи: прескриптивного объяснения (позитивизм) и денотативного толкования-интерпретации (герменевтическая практика), например в виде комментария или прорицания. Отсюда же возникают две концептуальные формы дискурса: метафорическая риторика и аналитическая логика. Принцип логоса в современном понимании ассоциируется с языком науки Нового времени, с моделью рационализма Декарта и Бэкона, которая поставила во главу угла человеческий рассудок, лишив его при этом каких-либо трансцендентных оснований в обмен на объективность в сфере имманентного. Соответственно миф связан не с принципом знания, но с принципом веры, чем-то эмпирически не верифицируемым, иррациональным и интуитивным, т. е. не может претендовать в рамках рационализма Просвещения

**THE SIGN AND THE SYMBOL
AS COMPETITITING STRUCTURES
OF POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article is based upon historical comparative analysis of the Sign and the Symbol as the principles of political discourse organization. It reconstructs structuralist paradigm that is composed by the sing-and-symbol binary opposition. It posits that a structure of a Sign is oriented towards the unity and identity of a reality and a Sign. It is related to the discourse of authority language legitimizing existing political order. On the contrary the concept of Symbol supposes the excess of signifiers as related to reality. This prevents political values and verity from being monopolized by any political actors. The concept of symbol is linked to the utopian thinking of the up-going social actors. Together these two concepts shape paradigmatic unity of contemporary political discourse.

Key words: sign; symbol; structuralism; common sense; paradox; models of political discourse; legitimating of political order.

About the author: Martyanov Victor Sergeevich, Candidate of Political Sciences, Associated Professor, Scientific Secretary.

Place of employment: Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

С. Ковалевской, 16, оф.904.

на истину. Отсюда противоречие между толкованием, связанным с индивидуацией, субъективностью и непрозрачностью знания, которое не всегда может быть передано другому, и научным объяснением, которое принимало во внимание лишь то, что можно без потерь сообщить другому. Несмотря на то что способность объяснить не всегда тождественна пониманию, именно объяснительные конструкты господствовали и объявлялись всеобщими.

Тем не менее первичной матрицей является парадигма, предлагающая в методологическом плане разбивку на знак и символ. Поэтому методологические принципы в области политики могут быть структурированы как модели дискурса. Бинарная парадигма сама по себе распадается на знаковую (формализованную) и символическую (герменевтическую) модели. Еще до начала собственно научных исследований, касающихся политики, осознание заявленного противоречия формализации (знак) и интерпретации (символ) приводит к стремлению разрешить его сужением функций политического дискурса до инструмента познания. И здесь,

по замечанию М. Фуко, можно наблюдать «борьбу двух тенденций, где методы интерпретации противостоят приемам формализации. Первые пытаются заставить говорить язык из его собственных глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия (бессознательное языка у Фрейда, поэтическое мышление как установка философствования у Хайдеггера). Вторые пытаются контролировать всякий возможный язык, обуздывая его посредством закона, определяющего то, что вообще возможно сказать (Рассел, Витгенштейн)» [Фуко 1994: 323].

В историческом аспекте легитимирующие «метарассказы» [Лиотар 1998], которые определяли границы политического, цели и парадигмы политического, варьировались. Образы должного и недолжного правления, политическая этика, формы политического участия, ценности и идеалы зависели от соотношения микрокосма и макрокосма в доминирующей философской системе. С распространением христианского учения политическое выстраивалось по образцу божественного вероучения. В религиозных доктринах главное допущение может быть формально недоказуемым, но описание пути к спасению и связанных с ним морально-этических вопросов, как правило, рационально. В отличие от иррационального мистицизма религиозные доктрины предполагают наличие оснований для объединения людей вокруг церкви, связанность верующих определенными нормами. Секуляризация и формирование национальных государств привели к зависимости политического дискурса от его способности к рациональной аргументации [Мартянов 2007: 192—203]. Для того чтобы связать людей в сообщество, нужны рациональные аргументы, рациональные формы социальных институтов и практик. Именно поэтому модерновые идеологии во многом перенимают формат религиозных доктрин, представляя собой вариации светских религий.

Содержательная интерпретация знака и символа в истории мысли исключительно противоречива: от символа как незавершенной праформы знака, символа как отклонения от знаковой формы, символа как модуса знака до символа как универсального означающего, характерного для любой культуры, содержательного элемента, обусловливающего глубинное единство человечества. Зачастую знак и символ просто отождествляют и используют как синонимы: «С одной стороны, на практике знаки постоянно трансформируются в символы, каждый знак обрастает бесконечным числом символов. С другой стороны, в декларациях теоретического характера постоянно утверждается, что все является знаком, что символов не существует или они не должны существовать» [Годоров 1998: 261].

Политический субъект прибегает к символической модели дискурса, когда ему необходимо

объяснить явления, которые лежат за пределами наглядного понимания, доминирующего дискурса власти, очевидности и здравого смысла. Любая религия, миф, искусство, а временами и сама наука пользуются по этой причине символическим, образным дискурсом. Символы всегда в той или иной степени бессознательны, имея характер явлений, предшествующих логике и любым формам рациональности. Рациональность является преобладающей характеристикой индивидуального мышления, коллективное бессознательное, наоборот, иррационально, символично, божественно. В частности, Юнг показал в работе, посвященной феномену НЛО [Юнг 1993], что наблюдатели, в том числе и ученые, отрицающие собственную подверженность приемам символического мышления и полагающие, что наблюдают за знаками других, как правило, наблюдают и исследуют в объективированной форме собственные символы.

2. КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО. Основатель структурализма Ф. де Соссюр положил в фундамент лингвистики теорию знака, говорящую о соответствии означаемого и означающего с произвольной связью между ними, само наличие которой было аксиоматично. Любой знак, любое слово подразумевали соответствие некой отражаемой ими реальности. Постструктурализм начал с критики подобных жестких структур, утверждая, что дискурс может конструироваться как игра одних означающих, оторванных от своих референтов и функционирующих по собственным законам. Причем они не только отражают, но и сами могут порождать реальное, что переворачивает схему Соссюра. Здесь само понятие реальности становится расплывчатым, преодолевается жесткая дуальность сознания и реальности, означающего и означаемого, субъективного и объективного, поскольку представление часто более реально, чем сама объективная реальность, задает для реального смысл и даже моделирует реальное в символическом пространстве представления.

Таким образом, дискурс может не только отражать, но и, в свою очередь, конструировать реальность с помощью замены референциального принципа смыслообразования структурным или же с опорой на постструктуралистский принцип интертекстуальности. Самое важное заключается в том, что при переходе от структуралистского видения мира к его постструктуралистской интерпретации ригидные знаки превращаются по сути в символы, обладающие подвижной областью значений, множественностью смысла, способностью к обратимости и смешению своих значений. Если основной задачей структурализма как общей идеологии и методологии гуманитарного познания, в том числе и в политической науке, была адекватная и абсолютная (в содержательном плане) формализация объективной реальности аналитиче-

скими знаками с целью производства конечной истины, то постструктурализм, подорвав веру в способность знака полностью охватить и воплотить реальность, установить единственно возможный принцип связи реальности и дискурса, породил проблему поиска новых средств, которые позволили бы на новых принципах легитимировать научные истины.

Нarrативный дискурс политики не будет востребованным, пока политическое знание строится с доминированием тавтологического дискурса модернистских идеологий. Актуальный постмодерн выходит за идеологическое пространство политики, скрепленное рациональным идеологическим дискурсом. Доминировавшая политическая форма идеологии уступает место перформативу, нарративу. Таким образом, нормативная рациональная картина мира сменяется автономными дискурсами, связанными с политическими, классовыми, культурными, религиозными различиями. Разум перестает быть нормативной сущностью человека. Своего рода «топтание на месте» позитивистских моделей политического дискурса связано с очевидной невозможностью так же, как раньше, свести символ к аналитическому знаку, позволяющему обосновать тождество системы и жизненного мира. Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира. Сегодня все попытки создания единой картины сводятся по большей части к тому, чтобы, без изменения универсальной бинарной мыслительной структуры, сменить общие имена: марксизм — на теорию либеральной демократии, теорию классов — на теорию элит и масс, интернационализм — на глобализацию, социализм — на гражданское общество, план — на рынок.

Причины сдвига к состоянию постмодерна, где рациональные универсальные критерии становятся нерелевантными, достаточно очевидны. Это крушение стабильной картины мира, задающей единое иерархическое пространство представления через энкратический дискурс. Сначала ее единство обеспечивалось религиозным согласием (до Реформации и буржуазных революций), потом — национальным единством (государство-нация) и, наконец, идеей идеологического единства (либерализм, коммунизм, консерватизм). Методологическое единство политического дискурса распалось, когда выявила социальная обусловленность политической теории и политического мышления (К. Маркс), а затем — историческая относительность любой идеологии (К. Мангейм). Политика стала представляться как ряд «жизненных миров» различных общественных групп. При этом дискурс описания этих групп находится в прямой зависимости от диспозиции группы внутри политического поля, главным образом по отношению к власти. В стабильные времена целостной картины мира господствуют знаковые дискурсы. Они тесно связаны с принципом

идеологии, направленным на консервирование и сохранение статус-кво. Символические дискурсы, будучи связаны с принципом утопии, с разрывом сущего и должно, напротив, указывают на противоречие статус-кво с идеалом, на альтернативность картин мира.

Вплоть до XX в. символичность ассоциировалась с неполноценностью и отклонением от научного способа мысли. Полнотью разводились научное знание, оперирующее систематическими знаками, и мифология, которая следует логике символа. Поэтому роль символа сводилась, как правило, к роли предшественника аналитического знака, только на основании которого и может строиться истинно научное знание. Важную роль в формировании новой ситуации мышления сыграл упадок «великих идеологий». Состояние «конца политического» означало именно конец политического как идеологического и тотального, конец доминирования дискурсивных моделей, которые претендовали на статус универсальных структур, объясняющих политическое. Проникновение в политическую науку символического дискурса не могло не поставить под вопрос энкратический дискурс политики, не могло не тематизировать сам принцип анализа политического как идеологического. Отсюда происходят и «конец политического», и состояние постмодерна, наступающее в политике после конца «большого идеологического стиля» [Фишман 2006: 69—79].

Возврат символа в современную политическую теорию связан с преодолением привычного для модерна идеологического состояния политики, основанного на привилегии структуры знака и легитимируемого ею политического дискурса. Любое «неисключенное третье» требовало своего безусловного «перевода» в доминирующем дискурсе политики, отказ от которого до некоторых пор был равнозначен отказу от «научности» как таковой. Сама по себе символы, т. е. политическая символика, присутствовали в политике всегда. Однако символическое подчеркнуто описывалось как нечто трансцендентное и даже лишнее в ситуации рационализированной политики, в рамках которой протекает ее научное осмысление. Символическое относилось к иррациональной среде политики. Поэтому проникновение символических теорий в политическую науку происходило первоначально из смежных сфер знания. Символическое входило в политическую науку через политическую лингвистику, психологию масс и лидеров, теорию языка, политическую философию, теории манипуляций, политическую герменевтику как анализ текстов и т. п. Однако после подтверждения эффективности и релевантности символических дискурсов применительно к современной политике сам собой возник вопрос о возможной когерентности, взаимосвязи символического и политического.

Лишь с оформлением постструктурализма, психоанализа, герменевтики с их критикой уни-

версальной нормы, идеологичности политического знания и соответственно заявлениями о множественности возможных норм аксиоматичность знака стала проблематичной. Нарастает интерес науки к символу, предлагающему более плотный и насыщенный жизненный мир. Политика, описываемая с помощью символического дискурса, вновь обнаруживает свое «утраченное» трансцендентное измерение. Э. Фромм писал по этому поводу, что «язык символов может по праву претендовать на звание единственного универсального языка из всех когда-либо созданных человеком» [Фромм 1992: 180].

Итак, структура знака (тождество означающего и означающего, первичность первого из них) и структура символа (избыточность означающих вплоть до аргументации их автономии по отношению к означаемому) лежат в основании двух фундаментальных дискурсов политики. Структура знака доминировала в позитивистской политической науке Нового времени и определяла, апеллируя к разуму, границы научности как таковой. Несмотря на антагонизм принципов знака и символа, они являются комплементарными, восполняют конструктивные и методологические недостатки друг друга. Это позволяет утверждать, что на метауровне методологии они образуют общую парадигму [Мартынов: 2003]. На основе этой парадигмы структурируются дискурсивные модели политики — знаковая и символическая.

Все, что задает трансцендентный масштаб политического, представлено символом как «знаком бесконечного в конечном» (А. Шлегель). Имманентные политические теории и схемы, наоборот, стремятся удержать политическое неизменным и независимым от любого иного порядка. Они выступают реализациями политических технологий власти, направленных на закрепление актуального политического порядка, превращение его в «конечную бесконечность», подчиненную имманентному принципу знака.

Структура знака лежит в основании классического языка политики Нового времени как тождества означаемого и означающего, бытия и мышления. Здесь политическое представление функционирует только в рамках наличия, не противоречивости, полноты и тождества слов и вещей. Знак как принцип познания нацелен на выявление универсальных структур, общих понятий и схем, в которые вписывается все наличное бытие. Знак всегда подразумевает приоритет умопостигаемого (идеи) над чувственным многообразием опыта, нормативного над эмпирическим, идеального над материальным, номотетического над идеографическим в форме жестких асимметричных оппозиций мышления.

Знак предстает как единственно возможная, исключающая «все иное» форма взаимосвязи означающего и означаемого как абсолютного тождества, легитимированная «классической эпистемой» (М. Фуко) науки. Только в рамках

знаковой модели дискурса формулировались политические истины Нового времени и было возможно само научное знание о политике. Символ своей структурой размывает это отношение означающего и означаемого, обнаруживая их несовпадение, нетождественность, возможность иной политической истины. Знак профанирует сакральное, подчиняя его имманентному — опыту, ratio, логике, здравому смыслу. Символ, наоборот, сакрализует профанное, обнаруживает недискретность политической реальности, наличие в ней других слоев, помимо верифицируемого с помощью принципа знака.

Бинарная оппозиция «знак — символ», аналогичная противопоставлению научного логоса и ненаучного мифа, должна была поддерживать авторитет «классической эпистемы» науки. Считалось, что цивилизованные, «разумные» люди свободны от недостатков символического мышления, которое характерно для «других» — животных, детей, дикарей, сумасшедших, мыслящих символически. Различного рода культурологические, идеологические табу не допускали мысли о символизме собственного научного дискурса, отождествляемого с непогрешимым универсальным логосом, опирающимся исключительно на «аналитические знаки». Считалось, что «описания диких символов, знаков других, по сути, превращаются просто в дикие описания наших собственных символов. Однако наше мышление часто пользуется теми же приемами, что и мышление „первобытных“ людей. В этом смысле мы не можем сравнивать себя с ними в терминах превосходства. Демистификация собственного мышления сложна тем, что непосредственно затрагивает собственные привычки мышления, их далеко не безупречную основу. В свое время она началась с разоблачения ряда центризмов: этноцентризма (К. Леви-Стросс), антропоцентризма (М. Фуко), логоцентризма (Ж. Деррида) и т. п.» [Годоров 1998: 262—263].

Таким образом, прескрипционность знака как тождества знания-власти сменяется терпимым к «иному/другому» символом, что влечет за собой как изменение отношения познания к миру, так и изменение самого мира современной политики. Власть оказывается неспособна с помощью принципа знака оформлять замкнутый идеологический дискурс политики. Политическое знание выходит за пределы классической эпистемы Просвещения и поневоле открывает собственную символичность, которая подспудно проявлялась в виде неудовлетворенности знаковым дискурсом и вневременными политическими теориями и моделями. Структура подобного научного представления оказывается неполной, а значит, неуниверсальной и неистинной. Потребность доминирующих социальных групп в более эффективной легитимации выливается в поиск новых методологических принципов. Такую возможность организо-

вать на новых принципах политическое пространство представления политическим идеологам предоставляет структура символа.

В свою очередь, символ акцентирует внимание на оригинальном и единичном. Символ основан на метафоричности — объединению по сходству и метонимичности — синтезу по смежности. Эвристичность символа определяется тем, что он дает возможность прорваться за пределы самотождественности, которой живет знаковый дискурс политики. Символ позволяет учесть важные различия, он сосредоточен на становящемся в противовес ставшему. Если знак отменяет время, то символ обращает внимание именно на конечное, то есть временное. Опираясь на символы, мы можем попасть в то пространство разрыва, перехода и становления, когда ставшее еще не было таковым, выявить причины установления данного соотношения знания — власти, которое с помощью структуры знака стремится победить время, внушить веру в собственную незыблемость и естественность. Поэтому знак метафизичен в буквальном смысле, как то, что за пределами «политической физики» ее объединяет, схватывает в структуре всеобщего и целого. Речь идет прежде всего об универсальных идеях, их приоритете над означаемым, политическим практисом, в силу чего метафизичность знака приравнивается к его идеологичности как господству бытия идей над тем, как и в чем они реализуются, господству вневременного над временным, универсального над единичным, бесконечного над конечным и т. д. То есть в рамках знаковой модели нормативные, конвенциональные, субъективные законы политики, являющиеся предметом конвенции, можно отождествляются с объективными, независимыми от человека законами природы.

Символ неизменно связан с поливалентностью смысла. Знак — это носитель любого фиксированного смысла. Символ потенциально заключает в себе множественные смыслы. Семантика символа часто определяется контекстуально, коннотативно, ситуативно, а план выражения в структуре символа господствует над планом содержания. Поэтому в определенном смысле символическое значение аналогично косвенному, выступающему в виде различных тропов, например метафоры или аллегории. Троп всегда связан с переносом, аналогией, аллегорией, смещением прямого значения — троп не говорит прямо (констатация), он намекает и подразумевает, оставляя простор для интерпретации, фальсификации, различий. Например, А. Лосев дифференцирует схему, символ и аллегорию по соотношению в них означаемого и означающего: если схема (план) является собой полное поглощение инвариантным означающим практически любого оригинального и отклоняющегося от нее конкретного содержания, тем самым как бы выхолащивая его, аллегория, наоборот, представляет полное

доминирование плана выражения над планом содержания, то символ есть мера гармонии означающего и означаемого, их взаимодополнение и обогащение [Лосев 1991: 44—48].

Еще одно важное различие связано с тем, что символ по своему генезису мифичен. Миф с этой точки зрения предстает как «чудесная личностная история», персонализованное бытие или же, в еще более простой трактовке, как «развернутое магическое имя», являющее собой способ ухода от обезличенного, абстрактного бытия, от модели научной истины с императивами универсальности, объективности, незаинтересованности, системности [Лосев 1991: 169—170].

Различие между значением и смыслом аналогично различию знака, выполняющего функцию означивания и указывающего на некое тождество, и символа, претендующего на выражение сокровенного смысла, а потому многозначного, зачастую смутного и несводимого к поверхностному, одномерному «значению». Смысл представляет собой нечто самоценное: «с — мыслю» — смысл представляется самой мыслью, платоновской идеей, что рождается вместе с ней. «Значение» всегда значит что-то для кого-то и, как правило, в чем-то, т. е. в определенном контексте. В этом проявляется относительность значения, обусловленного некой условной заданной системой координат. Смысл — «по ту сторону» и «прежде» утверждения истинности/ложности. Только уже осмыслившее предложение может быть истинным/ложным, но не наоборот. Осмыслившим высказываниям противостоят только бессмысличные, которые не могут иметь значения. Только на осмыслившем предложение может накладываться то или иное значение, в зависимости от входящих в него переменных и характера взаимодействий с другими предложениями. Семиологическая сетка значений всегда накладывается на ту или иную смысловую интерпретативную модель, обнаружение которой зависит от применяемой методологии.

Любая структура значений, обозначающая систему связана с конкретной политической практикой и системами ценностей. Обозначающая система должна иметь видимость объективности, а тем более универсальности, ее ангажированность затушевывается, она представляется как нечто естественное, природное, самодостаточное. Итак, знак связан со значением и категорией устанавливающего значения рационального рассуждка. Символ связан со смыслом и стоящим за ним разумом, который не поддается полному контролю и присвоению внешними инстанциями, поскольку самопротиворечив: «Главное отличие между рассудком и разумом — это запрет на противоречия в сфере рассудка и допущение противоречий в сфере разума» [Автономова 1988: 355].

Символ играет на маргинальных смыслах, воскрешает «проклятую сторону вещей», в то

время как знак всегда связан с бинарным кодом истина/ложь, норма/патология. М. Фуко показал, что установление нормы является способом легализации доминирующего дискурса власти и распространения его с помощью как научно-познавательных, так и дисциплинарных практик на общество в целом [Фуко 1994]. Например, в Европе современное понятие труда формировалось с нетерпимостью к нищим как изгоям, которые должны быть изолированы от праведного, трудящегося общества, а протестантизм, легитимировавший «труд как молитву», продемонстрировал совершенно новую матрицу смыслов. Эта матрица — эпистема Просвещения, которая задала самой своей структурой познавательное, проблемное и методологическое единство всего корпуса общественных наук в рамках новой исторической эпистемы. С помощью подобных методологических ходов формулировались современные дефиниции разума, истины, власти, здоровья и т. д.

Интересны сами исторические обстоятельства, связанные с постепенным отождествлением истины и нормы, с последующим вытеснением и замещением первой на вторую, так как структура знака всегда выстраивается именно как нормативная. Таким образом, борьба за власть выступает в виде борьбы за обладание нормой, за право ее устанавливать, заключать в нее свои интересы. И эта борьба разворачивается во всех сферах общественной жизни — науке, политике, экономике, праве и т. д.

Интенсивность и публичность политического действия особенно возросла в ходе реализации идей Просвещения, когда в политику вовлеклось общество в целом. Исторически любое сложное взаимодействие, выводящее человека за пределы его жизненного опыта и обыденных целей, включающее его в надындивидуальный социальный мир, наиболее эффективно осуществлялось с помощью символических структур трансляции смыслов, несущих максимум смысла при минимуме выразительных средств, требующих задействования механизмов понимания. Поскольку реальные субъекты политической власти все-таки конечны, они подвержены движению истории, переинтерпретации другими субъектами. Дестабилизация сложившейся политической картины делает возможной борьбу альтернативных видений. Поиск различий становится более значимым, чем поиск универсальных тождеств, формализация уступает место интерпретации, позитивизм — герменевтике, идеология — утопии, власть — оппозиции. Идеологические знаки, потеряв абсолют своих значений и выйдя за пределы замкнутого политического контекста, становятся марксовым «ложным сознанием».

3. ЗНАКОВЫЙ (ЭНКРАТИЧЕСКИЙ) И СИМВОЛИЧЕСКИЙ (АКРАТИЧЕСКИЙ) ДИСКУРСЫ ПОЛИТИКИ. Исторически противостояние знакового и символического дискурсов политики в наиболее явной и принципиальной форме продолжается

в соперничестве «акратического» и «энкратического» методов получения истины — герменевтики и позитивизма. «Энкратический» и «акратический» виды дискурса — неологизмы, предложенные Роланом Бартом [Барт 1989: 535—544]. Знаковый дискурс «энкратичен», и противостоит ему «акратический», т. е. внесяственный дискурс, обособленный от доксы (парадоксальный) и критичный к доминирующему дискурсу. Доминирующий дискурс политики и политической науки всегда «энкратичен», т. е. связан с самореференцией власти: апология власти довлеет в нем над кодом автономной научной истины. Он не проблематизирует ни субъекта познания, ни метод описания, стремясь теоретически закрепить сложившийся политический порядок.

Энкратический дискурс «выглядит как „природный“ и потому трудноуловим; это язык массовой культуры (прессы, радио, телевидения), а в некотором смысле также и язык быта, расходящих мнений (доксы); сила энкратического языка обусловлена его противоречивостью — он весь одновременно и подспудный (его нелегко распознать) и торжествующий (от него некуда деться); можно сказать, что он липкий и все-проникающий» [Барт 1989: 537]. Иными словами, неожиданно выяснилось, что ясность структуры энкратического дискурса вырабатывается искусственно, подозрение оказалось не напрасным: слишком ясный дискурс доксы — это всегда орудие власти, где ясность является функцией его убедительности, а естественность — эффективным способом трансляции норм.

Энкратический дискурс нормативизирует политические решения и действия с точки зрения их эффективности. Подобный дискурс характерен для самолегитимации элиты, которой кроме идеи эффективности нечего предложить для оправдания существующего в политике статус-кво, который ее вполне устраивает и который она стремится удержать. Ключевым концептом парадоксального языка, принадлежащего «демосу», является решение вопроса о политической справедливости. Это справедливость, которая является легитимирующим условием политического действия, направленного на освобождение, практику борьбы за установление нового формата справедливости классовых отношений, отношений элиты, народа и государства. Иными словами, политическая этика элиты ориентирована на идею эффективности, этика массы — на идею справедливости.

Фактически энкратический дискурс всегда представляет собой попытку власти в области представления умозрительно реконструировать Вавилонскую башню. В интерпретации Деррида ее постройка является поиском божественного языка, в котором сливаются язык и мир, власть и общество, элита и масса в рамках божественной истины откровения. Это своего рода рукотворный земной рай, где сняты все идеологические, экономические, национальные различия. Соответственно ее разрушение оборачи-

вается расхождением мира и языка, классовым антагонизмом, ростом непреодолимых границ и различий, распадением человечества, связанным с грехом гордыни, попыткой создать универсальный, т. е. божественный язык.

Первоначально секулярный знаковый дискурс Просвещения акратичен, когда борется за истину с доминирующим религиозным дискурсом политики. Лишь когда идеология делается доминирующей политической формой объяснения, в которой формулируются политические теории, тавтологический дискурс становится языком власти, но тут же получает новую оппозицию в виде критического дискурса внутри идеологического состояния политики. Онтологически господствующий дискурс в политологии априори является самореференцией власти, в то время как модель акратического дискурса принадлежит структурной оппозиции. И это постоянно конкурентное состояние политики характеризуется в условиях модерна как легитимное благодаря признанию структуры символического дискурса, допускающего вариативность политической истины — различие нормативных интерпретаций политических феноменов теми или иными значимыми политическими субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М., 1988.
- Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1989. С. 535—540.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М. ; СПб., 1998.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. — М., 1991. С. 21—186.
- Мартынов В. С. Метаязык политической науки. — Екатеринбург, 2003.
- Мартынов В. С. Трансформация языка социально-политических наук: от знания-власти к нарративу // Научный ежегод. Ин-та филос. и права УрО РАН. — Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 192—203.
- Тодоров Ц. Теории символа. — М., 1998.
- Фишман Л. Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69—79.
- Фромм Э. Забытый язык // Душа человека. — М., 1992.
- Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. — М., 1994.
- Юнг К. Г. Один современный миф. О вещах, наблюдавшихся в небе. — СПб., 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева